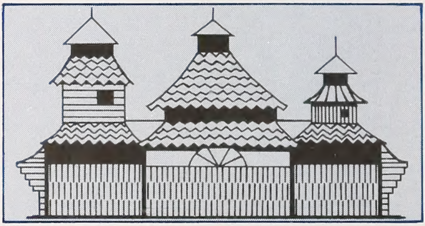
ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ
ГАТАЛЯКЪ

На олтарь отчизны
разсказы и стихотворенія

EX
LIB
RIS

PAUL R. MAGOCSI



ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ГАТАЛЯКЪ.

НА ОЛТАРЬ ОТЧИЗНЫ

РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна 25 центовъ.

НЬЮ ІОРКЪ

— 1917. —

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/naoltarotchyznra00gata

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.
Вмѣсто предисловія 6
Галя, разсказъ 7
Угорская Русь, стихотвореніе 22
Ивасьо, разсказъ 24
Смерть о. М. Сандовича, стихотвореніе. . . . 39
Всяческая, разсказъ 43
Пѣснь о Марковѣ 53
На Олтарь Отчизны, разсказъ 55

ПОРТРЕТЫ И ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Иванъ Наумовичъ 5
о. Александръ Духновичъ 23
о. Максимъ Сандовичъ 38
о. Іосифъ Федоронко 42
Д-ръ Дмитрій Марковъ 52
Картинка къ разсказу „Галя" 20

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ

(Свящ. Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ)
Просвѣтитель Галицкой Руси,
великій народный писатель, патріотъ и
апостолъ трезвости
Его кличъ:
Назадъ къ Народу!

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВЬЯ.

Въ напечатанныхъ въ этой брошюрѣ разсказахъ и стихотвореніяхъ хотѣлъ я дать лишь маленькій фотографическій снимокъ того, какъ теперь живется русскому народу (Галичанамъ, Угроруссамъ и Буковинцамъ) подъ австро-мадьярскимъ игомъ.

Много изъ того пережилъ я лично во время моего ареста во Львовѣ и девятимѣсячнаго заключенія (августъ 1914—май 1915) въ австрійкой крѣпости Терезинъ — Терезіенштадтъ, на Эльбѣ въ Чехіи, откуда мнѣ удалось убѣжать въ Швейцарію.

„Галичинизмы" — (выраженіе „галицизмъ" употребляется для обозначенія „французизма), и галицкія выраженія какъ на пр. дороговсказъ, лупина, катъ, спижарня, шварготать, колыска дитинка, реготаться и много другихъ, — галицкія формы какъ на пр. „поблѣдла" и ударенія въ стихотвореніяхъ, а тоже цѣлые діалоги и эпизоды на галицко-русскомъ (подольскомъ) нарѣчіи, позволятъ читателю изъ Россіи чувствовать себя въ галицкой средѣ.

———ооо———

ГАЛЯ.

На Пасху 1915 года, съ разрѣшенія крѣпостного команданта собрались мы, молодежь, въ казематѣ № 13, что на Брунекгофѣ въ маломъ форту Терезинской крѣпости.

Собрались и мечтали... о пасхѣ. Въ тотъ свѣтлый праздникъ хотѣли мы забыть о бо всемъ томъ, что насъ окружало и отравляло намъ каждый часъ жизни. Мы рѣшили, что Пасху, даже въ тюрьмѣ, слѣдуетъ провести весело и радостно, такъ чтобы нѣмцамъ завидно стало.

Сказано — сдѣлано. Но какъ мы ни старались — все напрасно. Мы веселились, но такъ, какъ на похоронахъ. Не до смѣху было. И голодъ докучалъ, и за стѣнами кругомъ плакали люди. Тоска брала верхъ.

Уже хотѣли мы разойтись, но вдругъ кто-то предложилъ, чтобы всякій розсказалъ, какъ его арестовали, и что онъ пережилъ. Кинули жребій, кому начинать. Начинать пришлось одному, безусому еще гимназисту, кажется седьмого класса.

— Мое дѣло, — началъ онъ, — не очень интересно. Я самъ изъ сяноцкаго уѣз-

да, тамъ мои родители, но одинъ лишь Богъ знаетъ, живутъ ли они еще.

Передъ войной, и въ началѣ войны, я не былъ дома, ибо меня пригласилъ къ себѣ на каникулы (школьныя феріи) нашъ русскій патріотъ судья Н. Онъ жилъ въ одномъ мѣстечку между Бродами и Станиславовомъ. Пригласилъ онъ меня, чтобы я училъ его дочь и приготовилъ ее въ гимназію. Дочь звалась Галя... Ей было тогда тринадцять лѣтъ, мнѣ семнадцять. Я мечталъ... Но вамъ это не интересно.

Въ тотъ роковой вечеръ сидѣлъ я самъ одинъ въ кабинетѣ и читалъ филиппики Демостена. Галя съ мамой были сейчасъ за стѣной въ столовой. Такъ, что я слышалъ, что говорили и сквозь стеклянную дверь видѣлъ все, что тогда произошло.

*

*　　　*

— Галю, Галюсю, иди спать дитинко. Какъ ты можешь цѣлый день и цѣлый вечеръ стоять у окна? — говоритъ мама.

— Не усну, маменька, все равно не усну. Слушайте, что тамъ за окномъ?

А тамъ за окномъ, за мѣстечкомъ цѣлый день кипѣлъ жестокій бой. Уже насталъ вечеръ, уже ночь, а тамъ все еще ревѣли пушки:

— Бумъ... бумъ... бумъ... ґур-р-р-р...

бумъ!

А гдѣ то совсемъ близко трещали пулеметы:

— Та-та-та-та-та-та.... та-та-та.... та-та-та-та.

Горѣли села, дымъ все закрылъ. Но ни крика, ни зойковъ не было слышно. Лишь тамъ далеко шумѣло, гудѣло, клекотѣло, какъ на великой ярмаркѣ — всѣ голоса слились въ одинъ могучій клекотъ и шумъ. Иногда только, гдѣ то совсемъ близко, выдѣлялось изъ общаго гула дикое ржанье лошадей.

По полуночи пушки замолкли, шумъ и клекотъ сталъ слабѣть и уходить куда то далеко-далеко, ибо слышно его было все меньше и меньше.

Русскіе отступали... Послѣдніе ихъ арьергарды покинули городъ и улицы словно вымерли... Ни одного огня, ни одной живой души не было видно въ цѣломъ мѣстечкѣ.

Мама тревожилась и волновалась.... Чтобы Галя того не видѣла, мама велѣла ей идти спать. Неохотно и машинально пошла Галя въ спальню, стала раздѣваться. Мама поцѣловала ее, перекрестила а сама вернулась опять въ столовую, стала у окна, смотритъ и надслушиваетъ....

На пустынной улицѣ раздался тупотъ

конскихъ копытъ. Во всю прыть помчалась кавалерія... Русская ли, иль нѣмецкая, кто ее знаетъ?

И опять тишина.

Но вдругъ прорѣзалъ тьму ослѣпительный свѣтъ электрическаго прожектора и на улицѣ стало свѣтло и ясно, какъ въ день...

Показались нѣмецкія патрули... А за ними, съ далека послышались тяжелые риѳмическіе шаги пѣхоты...

Въ нашъ городъ входили Германцы. Шли съ приглушеннымъ барабаннымъ боемъ... Въ тактъ съ ними цѣлый нашъ домъ вздрагивалъ.

Галя спрыгнула съ кровати и побѣжала къ маменькѣ. Онѣ посмотрѣли другъ на друга и обѣ угадали, что другая думаетъ....

— Русскіе ушли. Въ городъ ворвались нѣмцы... Боже что то будетъ, что будетъ съ нами. Ахъ, почему намъ наши не сказали, что они отступаютъ...

И мать и Галя пали другъ другу въ объятья и залились слезами. Я самъ чуть не заплакалъ.

А между тѣмъ твердыми, желѣзными шагами отбивала тактъ германская пѣхота и неслась все дальше, все дальше, какъ лавина. На нашъ домъ нѣмцы и не смотрѣли.

Пѣхота шла безъ конца. Только по ночамъ возможно было большое передвиженіе

войскъ.

Но вотъ одинъ отдѣлъ пѣхоты идетъ не такъ, какъ другіе, а медленно, осторожно подвигается впередъ, словно кошка крадется за пташками. На переди офицеръ съ револьверомъ въ одной, а съ саблей въ другой рукѣ. За нимъ идутъ солдаты съ электрическими фонарями, кидаютъ снопъ свѣта на каждый домъ и вездѣ старательно осматриваютъ дверь, окна, крыши.

— То полевая, военная жандармерія, — шепчетъ мама Галѣ.

Подходятъ ближе и кинули свѣтъ и на нашъ домъ. Посмотрѣли, пошварготали по нѣмецки и грозно кричатъ:

— Русъ! Шпіонъ! Гераусъ! И пустили свѣтъ прямо въ наши окна.

Галя и мама испугались, побѣжали будить отца и его брата. Братъ — Галинъ дядя — недавно пріѣхалъ къ намъ въ гости и не могъ отъѣхать: никого изъ города не выпускали.

А Галинъ отецъ лежалъ больнымъ. Онъ схватилъ воспаленіе легкихъ, была у него сильная жара — но доктора нельзя было найти. Будить его, волновать — то значило дѣлать покушеніе на его жизнь.

Еще не успѣла Галина мама сказать отцу и слова, а уже раздались на улицѣ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, пули про-

били стѣны и прожужжали по надъ нашими головами... Мнѣ стало жутко. Еще моментъ и послышались сильные удары и трескъ.. Нѣмцы выломали наружную дверь и ворвались въ сѣни.

Галя завижжала на весь голосъ. А нѣмцы уже бьютъ прикладами и въ ихъ дверь.... кричать... угрожаютъ. Мать отомкнула замокъ и открыла дверь . Въ сѣняхъ было видно нѣсколько германскихъ солдатъ въ остроконечныхъ каскахъ. Одни были съ ружьями, другіе съ топорами. Они уже хотѣли рубить дверь. Но теперь, какъ дверь открылась, они бросили топоры и отошли назадъ, а тѣ другіе выступили впередъ и сквозь открытую дверь наставили въ комнату ружья со взвинчеными на нихъ штыками. Одинъ прицѣлился въ отца Гали, другіе въ его брата, въ его жену, въ Галю, въ кухарку, а одинъ даже въ маленькаго ребенка въ колыскѣ.

Солдаты кричатъ имъ что то, но никто ни слова не понимаетъ. Тогда одинъ нѣмецъ выстрѣлилъ и прострѣлилъ руку Галиному дяди. Тотъ упалъ и обрызгалъ кровью цѣлый полъ. А нѣмцы все что то кричатъ и требуютъ чего то... Но не по нѣмецки, а на такомъ то прусскомъ нарѣчіи...

Судья отвѣчаетъ имъ:

— Виръ ферштегенъ нихтъ!

Тогда ихъ нѣмецкій офицеръ кричитъ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Руки вверхъ! Сдавайтесь! Не то — всѣхъ васъ перестрѣляю.

Всѣ подняли руки вверхъ. Нѣмцы то увидѣли и говорятъ:

— Теперь выходите по одному въ сѣни, — и каждому сейчасъ вяжутъ веревками руки на задъ.

Повязали ихъ всѣхъ и вывели на подворье. Вынесли столъ и кресло, поставили на столѣ электрическую лампу... А кругомъ темно, ночь.

Офицеръ такой злостный, страшный. Такъ бы и съѣлъ человѣка. Осмотрѣлъ всѣхъ пристально, ходитъ впередъ и назадъ, а послѣ вдругъ:

— Кто здѣсь между вами переодѣтый русскій офицеръ, или солдатъ? Пусть выступитъ впередъ!

Никто не отвѣчаетъ. Всѣ стоятъ, дрожатъ, слова проговоритъ не могутъ. А онъ все кричитъ:

— Признавайтесь! А то всѣхъ васъ велю повѣсить.

Тогда судья, Галинъ отецъ, отвѣчаетъ ему по нѣмецки:

— Нѣтъ здѣсь, господинъ офицеръ, никакихъ русскихъ солдатъ. Вотъ это моя

жена, моя дочь и наша кухарка, а то мой родной братъ, инженеръ культуры, и вотъ тамъ въ люлькѣ маленькое дитя—мой сынъ.

— А вы самъ, кто?

— Я австрійскій патріотъ и цѣсарско-королевскій судья.

— Хорошо. А то кто? — офицеръ показалъ на Галю.

— То моя дочь, Галя. —

— Это неправда! Вы лжете. Она совсемъ не похожа ни на васъ, ни на вашу жену.

— Да, но она не родная наша дочь, а „усыновленная." Сразу у насъ не было дѣтей, и мы взяли маленькую крестьянскую дѣвочку за свою. Теперь у насъ есть одинъ ребенокъ, но и Галя наша дочь.

— Положимъ, что это такъ, но кто спрятанъ у васъ въ домѣ? Говорите правду, я прикажу искать.

— Больше никого у насъ нѣтъ, — говоритъ судья.

Обо мнѣ онъ со страху забылъ.

— Никого нѣтъ? Такъ значитъ это вы сами русскіе шпіоны?

— Я австрійскій патріотъ, я цѣсарско-королевскій чиновникъ, — я не шпіонъ, господинъ лейтнантъ. Ни я, ни моя семя.

— Такъ? Ты не шпіонъ? Твоя семя не шпіоны? А это что? И онъ показалъ са-

блей на икону, которую держали въ рукахъ солдаты.

— Вотъ то висѣло на улицѣ на дверяхъ твоего дома. Тотъ россійскій царь въ коронѣ... Твой? Признавайся!

Судья посмотрѣлъ и позналъ.

Три дня назадъ русскія войска заняли нашъ городъ и мы боялись, что евреи будутъ въ нихъ стрѣлять, какъ въ другихъ городахъ. А за то русскіе солдаты могутъ, не разбирая кто правъ, кто виноватъ, наказать и насъ невинныхъ. Потому мы и наши сосѣди выставили на дверяхъ святыя иконы. Мы выставили чудотворца отца Николая. Такихъ домовъ солдаты не трогали.

Но Русскіе неожиданно отступили и мы въ тревогѣ забыли снять съ дверей и спрятать святую икону.

— Твое?—еще разъ кричитъ офицеръ.

— Наше. — отвѣчаетъ судья.

— Зачѣмъ это ты на двери повѣсилъ царя?

— Помилуйте: это не царь а святый образъ. Икона! Мы ее вывѣсили на домѣ, чтобы насъ враги пощадили, чтобы не убили меня и моей семьи, чтобы мнѣ не сожгли дома...

— Ага! Значитъ сигналы врагу! Условленные знаки и сигналы. Я такъ и думалъ, я такъ и думалъ. Я не ошибся, что

вы русскіе шпіоны. За то слѣдовало бы васъ на веревку, но я... А кстати, зачѣмъ святой въ россійской коронѣ, какой это святой?

Галинъ отецъ хотѣлъ дать отвѣтъ, но Галя, какъ всегда, поспѣшила помочь отцу. Галя знала, что ее всѣ люблятъ, что всѣ слушаются ея милаго, нѣжнаго, дѣтскаго голоса. Ей никогда никто ни въ чемъ не отказалъ... Она думала, что и теперь спасетъ она всѣхъ однимъ своимъ словомъ...

— То отецъ Николай — произнесла она громко, — онъ нашъ...

— Какъ? Николай? Николай Второй? Мерзавцы! И вы еще смѣете... Не Вильгельмъ и не Францъ Іосифъ, а Николай! Молчать! Теперь ни слова больше! Теперь я буду говоритъ... По закону — васъ всѣхъ слѣдуетъ повѣсить. Но чтобы вы знали, что и въ нѣмца есть сердце, я не велю васъ вѣшать... Я не хочу васъ позорить... Потому васъ розстрѣляютъ. Молчать! А то сейчасъ пуля въ лобъ.

И офицеръ далъ знакъ солдатамъ въ каскахъ:

— Взять ихъ! Ихъ всѣхъ и того щенка, что въ люлькѣ, чтобы не мучился. Вывести всѣхъ туда — и розстрѣлять. И сдать мнѣ раппортъ.

Галя и мама упали на колѣни, упали офицеру къ ногамъ... Ничего не помогло.

Германцы не дали имъ сказать больше ни слова. Да и зачѣмъ? Все равно военнаго приговора они никогда не измѣняють. Вѣдь онъ непогрѣшимый, святой.

Галю и маму вынесли безъ памяти. Брата судьи потащили за руки. Судья шелъ самъ... Онъ читалъ, словно по книгамъ, австрiйскiе законы и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ съ плачемъ громко произносить смертный приговоръ цѣсарю... Совсѣмъ, какъ сумашедшiй.

Нѣмцы потягнули его за собой. А маленькiй ребенокъ, какъ его брали, сталъ кричать. Тогда одинъ солдатъ вышелъ изъ себя, прокололъ ребенка штыкомъ и надѣлъ его на штыкъ, какъ цыганъ галушку. И такъ понесъ его вслѣдъ за другими. Чтобы матери передъ смертью показать еще ея любимаго сына.

Въ продолженiи всего того я самъ одинъ сидѣлъ въ кабинетѣ, затаилъ духъ, и думаю вотъ откроютъ дверь, войдутъ сюда нѣмцы, возмутъ и меня... Но нѣмцы еще помагали офицеру.

Уже не знаю самъ, какъ я изъ кабинета, черезъ кухню, убѣжалъ въ спижарню, а оттуда по лѣстницѣ взобрался на стрыхъ. Тамъ, на чердакѣ, залѣзъ я въ самый темный уголъ, подъ самую крышу. Боюсь по-

шевелиться,... жду... что будетъ дальше.

Вдругъ слышу въ городѣ страшно шумитъ, гудитъ, трещитъ, воетъ — завываетъ. Весь чердакъ освѣтился краснымъ, кровавымъ свѣтомъ.

Забылъ я обо всемъ, забылъ объ опасности, подхожу къ маленькому окошку, смотрю: весь городъ горитъ, пылаетъ. Наше мѣстечко — одно пламенное море. Вижу, среди пламени еще чернѣется ратушъ, изъ великихъ его оконъ бьетъ огонь, вежа уже обрушилася, а направо горитъ польскій костелъ, башня пылаетъ, окна дышатъ пламенемъ...

Якій свѣтъ ослѣпляетъ меня, болятъ, рѣжутъ глаза. Ухожу опять отъ окна. Думаю, что дѣлать. Огонь ужъ близко... А тутъ слышу передъ нашимъ домомъ:

— Трахъ... Тар...рахъ! — стрѣляютъ залпами. Слышу сверхчеловѣческій, предсмертный крикъ, что то глухо упало на землю, послѣ душу-раздирающіе стоны.... Бѣгу снова къ окну, гляжу: передъ самымъ нашимъ порогомъ стоятъ въ друхъ шеренгахъ германскіе солдаты въ остроконечныхъ каскахъ, держатъ ружья въ рукахъ, — только что выстрѣлили: ружья дымлятся еще.

А въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними, на серединѣ улицы, лежатъ трупы... Еще свѣжіе, еще вьются въ судорогахъ, еще иног-

да вздрагиваютъ...

На лѣво лежитъ судья, на право его жена, за ней ея братъ. Возлѣ судьи лежитъ, вся въ крови, кухарка, еще шевелитъ рукой; передъ ней проколотый ребенокъ, съ зіяющей штыковой раной въ груди съ правой стороны, съ раскрытыми отъ боли и ужаса устами — а на самомъ переди, лежитъ трупъ Гали. Она испускаетъ душу, еще шевелитъ устами, еще завертаетъ глазами. Волосы растрепаны, руки на взнакъ роскинуты... еще вздрагиваютъ. Солдатъ въ каскѣ сталъ ей чоботомъ на грудь съ наслажденіемъ топчетъ ногою, торжестуетъ и смѣется.

Не могъ я больше выдержать, мнѣ сдѣлалось дурно и я палъ въ обморокъ...

Когда я очкнулся уже горѣлъ нашъ домъ. Я съ трудомъ сбѣжалъ внизъ, выбѣгаю на улицу... Германцевъ больше не видно... По улицамъ бѣгаютъ теперь австрійскіе солдаты - нѣмцы, граблятъ, что еще по германцахъ осталось и поспѣшно уходятъ изъ города.

Замѣтили меня, прискочили, берутъ, хотятъ повѣсить.

— Почему ты — говорятъ, — не ушелъ, какъ мы приказали, вмѣстѣ съ другими жителями въ тылъ за фронтъ. Ты, — говорятъ, — увидѣлъ, что Русскіе опять насту-

паютъ и дожидаешься ихъ здѣсь?

Я оправдываюсь, какъ могу, — куда тамъ, ничего не помогаетъ, тащутъ вѣшать... Но къ моему счастью, нѣмцы были глупые и, должно быть, еще никогда въ жизни не видали формы галицкихъ гимназистовъ.

Ибо какъ они, уже подъ петлей, сорвали изъ меня накидку и увидѣли мою униформу и на воротникѣ по три золотыя полоски съ каждой стороны — рѣшили, что я русскій „принцъ" и только притворяюсь гимназистомъ. Они надѣялись получить за меня хорошую награду и отличья отъ начальства... Приводятъ меня въ штабъ, докладыватъ, что поймали русскаго „принца."

А тамъ ихъ выругали и прогнали. Меня же подъ стражей отправили въ тылъ, а послѣ въ глубь Австріи. Допрашивали меня, чуть ли не каждый день, пытали, судили... Но приговорить было не за что. Потому послали меня сюда въ Терезинскую крѣпость...

Гимназистъ замолкъ. А мы долго еще не бросали новаго жребія, чтобы „весело" праздновать свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова.

И долго еще видѣли мы очима нашей души, какъ горитъ мѣстечко, какъ въ лужахъ крови вьются въ предсмертныхъ мученіяхъ нашъ русскій судья и его семя, какъ задеревѣлъ съ зіяющей раной, съ открытыми уста-

ми, заколотый германцами ребенокъ и какъ нѣмецкій солдатъ съ наслажденіемъ сталъ сапогомъ на грудь и съ усмѣшкою топчетъ ногою еще вздрагивающій, и уже костенѣющій трупикъ Гали.

Нью-Іоркъ, Вербное Воскресенье 1917.

———000———

УГОРСКАЯ РУСЬ.

Когда я устану въ тяжелой борьбѣ
За лучшую долю для нашего края,
Невольно всѣ думы стремлятся къ тебѣ
Угорская Русь, сестрица родная.

На южныхъ, на солнечныхъ склонахъ Карпатъ
Я бѣдныя видѣлъ когда то селенья.
И сердце стучало: вотъ здѣсь, — здѣсь твой братъ...
И онъ, какъ и ты, все ждетъ онъ спасенья.

Спасенія ждетъ отъ тяжелыхъ оковъ
Сковавшихъ и тѣло и душу народа.

Свящ. **АЛЕКСАНДРЪ ДУХНОВИЧЪ**

угрорусскій поэтъ, драматургъ, историкъ
и педагогъ (1803—1865).

Зачахъ онъ въ неволѣ: отъ многихъ вѣковъ
Не слышитъ онъ слова „свобода.”

Угорская Русь! Угрорусскій народъ!
Кончаются ужъ твои черные годы:
Могучая Русь тебѣ прапоръ несетъ.
То равенства прапоръ, братства. свободы.

———000———

ИВАСЬО.

Галицкій разсказъ изъ начала войны.

— Ивасю, милый мой мальчикъ, чего ты плачешь, ты боленъ? Скажи что у тебя болитъ?

Ивасьо молчитъ.

— Можетъ быть, ты голоденъ? На тебѣ хлѣба! Хочешь?

— Не хочу.

— А чего же ты хочешь?

— Воды.

Насъ было въ вагонѣ сорокъ пять человѣкъ арестантовъ и весь день всѣ мы страшно хотѣли воды. Было то лѣтомъ, на дворѣ стояла жара невыносимая, а въ нашемъ вагонѣ — настоящая баня. Но наши жандармы запретили намъ давать воду.

— Вотъ погоди еще немножко, скоро пріѣдемъ въ Тарновъ, тамъ намъ ужъ дадутъ воды.

— А я, дадутъ! Найбы мене лучше сразу убили, чѣмъ такъ мучити, — и ребенокъ сталъ всхлыпывать.

— Эй, а то что! Кто это смѣетъ тамъ разговаривать? Бунтъ начинаете? Я васъ

всѣхъ перестрѣляю, собаки! Сейчасъ пусть выступитъ впередъ: кто говорилъ? — раскричался старшій жандармъ, комендантъ нашего вагона. Никто не отозвался. . .

— Проше ясне пана, то онъ, то вотъ этотъ маленькій немножко разговаривалъ — донесъ еврей, одинъ-единственный еврей ѣхавшій въ нашемъ вагонѣ, желая благорасположить къ себѣ жандармовъ.

— Псья кревь собачья! Ходи сюда. Давай руки! Какъ тебя скую на ночь цѣпями, то больше не будешь бунтоваться.

Ивасьо расплакался и сталъ громко рыдать.

— Это не онъ говорилъ, а я, — выступилъ молодой студентъ впередъ и простяналъ къ жандарму свои руки.

— О, адвокатъ! Я не стану смотрѣть, что ты „панъ.” Здѣсь я панъ и если захочу, посѣку тебя на капусту и еще мнѣ медаль дадутъ за то.

Долго пришлось намъ слушать жандармскую орацію, пока ему самому не надоѣло. На томъ инцидентъ и кончился.

Ивасьо мучимый жаждою растянулся на полу возлѣ двери, прильнулъ устами къ щели и какъ рыба воздухъ, такъ онъ жадно глоталъ врывающійся въ щель прохладный вѣтерокъ, вмѣстѣ съ пылью, такъ что Ивасьо

постоянно выплевывалъ болото. Къ ночи ребенокъ совсемъ занемогъ. Его звали, и копали ногами жандармы, но Ивасьо не отзывался и не шевелилъ ни руками ни ногами лишь, безучастно лежалъ на полу. Такъ его и оставили. Я подошелъ и заговорилъ къ нему шепотомъ. Ивасью устремилъ на меня свои большіе сѣрые глаза, пошевелилъ губами — но ни слова.

— Слушайте, говорю я жандармамъ, — вы можете издѣваться надъ нами, какъ хотите, но есть же у васъ совѣсть убивать ребенка? Вѣдь и у васъ есть дѣти. Смотрите: онъ умираетъ...

— А пусть издохнетъ, стерво! И вы всѣ чтобы за нимъ передохли, измѣнники. Только возня съ вами. Погодите, пріѣдемъ въ Преровъ, туда уже телеграфовали, чтобы приготовлено для васъ висѣлицы. Завтра вамъ всѣмъ — крышка... — такъ отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ младшихъ жандармовъ. Но самъ комендантъ смягчился. Быть можетъ ему вспомнились свои дѣти: что-то будетъ съ ними? Вѣдь козаки ужъ недалеко Львова!

— Ладно, — говоритъ онъ — какъ пріѣдемъ въ Тарновъ, позволяю тебѣ просить для него воды. А за что его взяли, такого бенкарта?

За что его взяли? Странный вопросъ!

Развѣ кто нибудь изъ насъ зналъ. за то взяли его самаго... Пришли жандармы съ солдатами, заковали, избили, по дорогѣ били евреи и всѣ, кто лишь хотѣлъ, а послѣ арестанта окровавленнаго, съ разбитой головой, съ поломаными ребрами—вкинули въ тюрьму, запрудили нами камеры, какъ бочку сельдями, а послѣ сквозь шеренги полиціи, милиціи и солдатъ пригнали насъ на вокзалъ, погрузили въ скотскіе вагоны и везутъ теперь... Куда? За что?

— Москальофиль!—вотъ и все. Дѣтей брали обыкновенно только вмѣстѣ съ родителями, но Ивасьо самъ одинъ, никого здѣсь нѣтъ даже изъ его знакомыхъ, даже изъ его уѣзда нѣтъ никого между нами. Какъ ни какъ, его исторія и меня заинтересовала.

Ночью пріѣзжаемъ въ Тарновъ. На вокзалѣ полно поѣздовъ съ войсками, съ ранеными, съ плѣнными. Бѣготня, шумъ, пекло... Нашъ арестантскій поѣздъ остановился передъ перономъ. Поѣзду на встрѣчу выбѣжало нѣсколько бѣлыхъ женщинъ съ красными крестами на рукавахъ, и съ фруктами, булками, сигаретами и другими ласощами въ рукахъ. За ними шла ихъ старшая: очень почтенная дама, съ серьезнымъ, аристократическимъ лицомъ, очень миловидная. Она несла корзинку, полную шоколада, пи-

рожнаго, апельсинъ; за ней шла дѣвченка съ двумя кувшинами: въ одномъ горячее молоко, въ другомъ вода.

— Пани, будьте ласковы, дайте немножко воды. У насъ ребенокъ умираетъ отъ жажды.

Дама сдѣлала изумленное лицо: она только теперь замѣтила, что мы не солдаты.

— Ребенокъ? А кто вы такіе?

За насъ, какъ всегда, отвѣтило начальство:

— То „шпьеги," москалефили, на висѣлицу ихъ веземъ. Завтра ихъ будутъ вѣшать.

Аристократка съ негодованіемъ вырвала кувшинъ у дѣвченки и съ розмахомъ быстро вылила воду подъ вагонъ.

— А что-бъ вы сконали, шпьеги, то не дамъ вамъ воды.

— Пани, мы не шпьеги, смотрите вѣдь какой ребенокъ, онъ... — началъ было возражать одинъ студентъ, но жандармъ ударилъ его прикладомъ въ грудь:

— Кто тебѣ позволилъ говорить? Молчи, собака!

— А такъ ихъ! А хорошо ихъ — подбадривала дама жандармовъ. Если ихъ всѣхъ перебьете, Богъ васъ будетъ благосло-

тъ, отчизна васъ вознаградитъ.

Аристократка обдарила жандармовъ ласками и посылая намъ проклятія вернулась на вокзалъ. Вскорѣ привела она оттуда большую толпу солдатъ, евреевъ, желѣзнодорожной службы, нѣсколько офицеровъ. Толпа стала кричать и посылать намъ угрозы. Жандармы въ началѣ сами испугались и примкнули дверь. Но вскорѣ перекинувшись словами съ демонстрантами и посмѣявшись между собой, они опять раскрыли дверь на растворъ и стали подводить насъ группами къ широкому отверстію товарнаго вагона, на показъ публикѣ. Толпа пришла въ восторгъ и въ изступленіи ревѣла. Плевали намъ въ лицо, сыпали песокъ въ глаза, швыряли камнями, били руками, зонтами, палками по головѣ и куда ни попало. Взрывъ радости вызывало всегда, если кто плюнулъ такъ удачно, что попалъ прямо въ глазъ или въ ротъ арестанту.

Жандармы любезно насъ предупредили, что если бы кто сталъ бунтоваться, то есть протестовалъ словами, или руками заслонялся, того немедленно заколютъ на мѣстѣ. Такой имъ данъ приказъ. Мы это разъ уже видѣли въ самомъ дѣлѣ и потому никто не бунтовался."

Когда толпа натѣшилась довольно одной

групой, жандармы выбирали другихъ, всегда самыхъ видныхъ, самыхъ почтенныхъ людей и выводили ихъ въ очередь, на смѣну.... Болѣе всѣхъ досталось интелигентамъ, а въ особенности священникамъ и ихъ женамъ. Ни одного не осталось между ними, у кого бы лицо не было разбито а платье не обрызгано кровью.

— Ну, слава Богу, Тарновъ намъ еще дешево обошелся — говорили послѣ, въ крѣпости. — а помните, господа, Ряшевъ?

— Да, помнимъ, помнимъ, мы помнимъ всѣ польскіе города. А замѣтили-ль вы, что евреи всегда наиболѣе усердствовали въ избіеніи.

— Ахъ, да, да.... И пинками, и толчками и прямо въ лицо... Такъ какъ Христа вели на распятіе, такими они и нынѣ...

Когда мы поздно ночью выѣхали изъ Тарнова, прохладный вѣтерокъ и роса принесли нѣкоторое облегченіе. Жандармы установили очередь: два спали а два должны были бодрствовать. Но и они скоро заснули. И мы остали какъ овцы безъ пастыря.... Эхъ, если бы такъ другой, буйный, вольный народъ!... Галичане, Галичане...

Но Галичане и такъ уже цѣловались со счастьемъ: жандармскій сонъ далъ имъ тѣнь свободы. То въ одномъ углу, то въ дру-

томъ начались шепотомъ разговоры. Всѣ старались использовать драгоцѣнную минуту. И я тоже...

— Легче тебѣ, Ивасю?

— Легче.

Я вынулъ изъ кармана припрятанную лупину изъ яблокъ, которую жандармы бросали на полъ.

— Вотъ тебѣ, Ивасью, на ѣжь это, смотри какое сочистое: жажда скоро совсемъ пройдетъ. Я тебѣ говорилъ: не надо ѣсть селедки, что намъ давали жандармы; смотри: я не ѣлъ и у меня нѣтъ жажды...

Ивасьо не отвѣтилъ, онъ имѣлъ полныя уста лупины, которую онъ жевалъ и жадно сосалъ...

— Скажи, Ивасю, ты здѣсь самъ или есть съ тобой кто изъ родныхъ?

— Самъ.

— А гдѣ-же твой отецъ?

— Тато поѣхали съ войскомъ „на форшпаны."

— Тато поѣхали? А кто-же остался на хозяйствѣ?

— Мама, сестра и дядько были сразу, а теперь ино мама самы.

— Вотъ какъ! А гдѣ же другіе?

— Дядьку забрали въ солдаты, а по сестру пришли и забрали офицеры... Ка-

зали, что она будетъ имъ ѣсти варити. Войтъ согналъ дѣвокъ изъ всего села, а панове взяли лишь нѣсколько: Черепахову Фесью, Скольску Ганусю и нашу. Сами ладни.... Мама такъ заводили, ажъ сомлѣли....

— Гмъ.... А братьевъ у тебя нѣтъ больше?

— Ныма.

— Такъ ты лишь „одинакъ?"

— Я не знаю. тато казали, что я изъ того выросту....

Ивасьо не понялъ, онъ видно не слыхалъ еще того слова. что это такое „одинакъ"?

— А гдѣ-же теперь твоя мама?

— Мама лишилися въ старой халупѣ. коло кривого дуба. знаете? Они теперь трохи хори.

— Ахъ, жаль! А давно уже хоруютъ?

— Ни, недавно... Якъ мене „панове" брали, то наши мама снова такъ дуже плакали, еще гирше якъ перше, ажъ якъ жандаръ ударилъ маму кольбою, тогда они мене пустили... Мама упали. а жандармъ гетъ имъ сорочку покровавилъ. Якъ тато вернутся. будетъ бѣда...

— А какъ же ты попалъ въ тюрьму. Ивасю?

— Мене нашъ войтъ и жандармъ везли

на возѣ ажъ до „гарешту,“ казали, чтобы я не плакалъ, что меня вскорѣ выпустятъ...

Ивасьо разговорился и оживился. Ко мнѣ онъ относился уже съ полнымъ довѣріемъ и положилъ русую голову мнѣ на колѣни.

— А что же ты сдѣлалъ Ивасю, что тебя арестовали?

— Я показалъ жолнѣрамъ корчму.

— Какимъ жолнѣрамъ?

— Та уланамъ, не знаете?

— И за то тебя взяли? Не возможно!

— За то! Наши войтъ казали, що жолнѣры попилися, набили жида и дуже наробили шкоды. Жидъ сказалъ жандармамъ и мене забрали, зачѣмъ я показалъ жидовскую корчму.

Мы знали, что послѣ мобилизаціи жандармы получали за каждого арестованнаго ими „русофила“ денежное вознагражденіе: десять коронъ, какъ они сами хвалились. Потому старались арестовать, кого бы то ни попало. Такимъ образомъ нашлось двѣсти тысячь опасныхъ „русофиловъ“ — въ австрійскихъ тюрьмахъ. Но все же арестовать хилаго, девятилѣтняго ребенка, и то лишь за то, что онъ „своему“ войску показалъ кабакъ — это даже мнѣ никакъ не хотѣло помѣститься въ головѣ.

— Ивасю, можетъ быть это были не „наши" жолнѣры, а „чужіе," можетъ ты показалъ жида русскимъ козакамъ. А послѣ „наши" опять вернулись и тебя взяли?

— Я не знаю.

Ахъ вотъ какъ: онъ самъ не знаетъ. Конечно, это были козаки!

— А скажи Ивасю, помнишь ли ты, какъ были одѣты тѣ „уланы."

— Червонна шапка, и червонни штаны, а „кабатъ" — синій. . .

Сомнѣній нѣтъ: Ивасьо сказалъ правду. То были „свои" австрійскіе уланы. И за то арестовать ребенка! А какое жандарму дѣло: лишь бы „заработать" десять коронъ . . .

Ивасьо заснулъ мнѣ на колѣняхъ и мнѣ пришлось неподвижно сидѣть всю ночь, жаль было будить несчастнаго ребенка.

Когда мы на слѣдующій день подъ вечеръ подъѣзжали къ Прерову, жандармы стали шептаться. Послѣ комендантъ вагона выстроилъ ихъ въ рядъ, вынулъ списокъ и сталъ по списку читать насъ всѣхъ поименно и заявилъ, что въ Преровѣ поѣздъ будетъ дольше задержанъ и переведенъ на другіе рельсы, на другую линію, потому, что нужно насъ везти за городъ, на военную „стрѣльницу", гдѣ уже построены висѣлицы, такъ что сейчасъ будутъ насъ вѣшать по очереди.

— Начнутъ вотъ съ того маленькаго „шпьега" — комендантъ показалъ на Ивася. Жандармы смѣялись. Ивасьо съ ужасомъ въ глазахъ смотрѣлъ кругомъ. Онъ уцѣпился дрожащими пальчиками за мое платье...

Мы наслышались, и сами испытали, много ужасовъ, пережили погромы, видѣли какъ во Львовѣ въ Бригидкахъ передъ нашими окнами сооружали висѣлицы, слышали какъ звонилъ колокольчикъ, послѣ безумный, сдавленный крикъ, какъ каждую ночь выбирали изъ между насъ людей, которые больше не вертались... мы многое видѣли и пережили. Но мы хорошо знали, что простымъ жандармамъ о томъ впередъ не говорятъ и потому къ ихъ приготовленіяхъ мы относились критически и скептически. Конечно: они развлекаются и пугаютъ насъ! Но все же настроеніе было нервное. Каждый смотрѣлъ на другого и психологія толпы стала покорять себѣ даже сильные характеры.

Но вотъ мы пріѣхали въ Преровъ. На вокзалѣ поѣздъ остановился на минуту, вдоль поѣзда прошелъ офицеръ съ отрядомъ солдатъ... Вдругъ нашъ поѣздъ опять тронулся, сталъ ходить туда и назадъ по разнымъ рельсамъ, чего раньше нигдѣ съ нимъ не было, и окончательно сталъ выѣзжать за станцію, въ чистое поле, совсемъ не въ томъ

направленіи, какъ до сихъ поръ... Жандармы злобно торжествовали и говорили о висѣлицѣ... Мы окончательно повѣрили, мы всѣ пали духомъ... Ужасъ. безуміе овладѣло каждымъ: всѣ струхлѣли, побѣлѣли, какъ полотно, нѣкоторые стали лепетать безсвязно урывочно, глаза бѣшенно горѣли, многіе дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ, нѣкоторые священники стали креститься и взволнованнымъ голосомъ шептать молитву. крестьяне попадали на колѣни... Еще минутъ десять и все будетъ кончено...

Вдругъ нашъ еврей закричалъ и громко сталъ пѣть по еврейски.. Жандармы къ нему, но онъ вырвался и сталъ скакать по вагонѣ. Его схватили. Еврей завизжалъ какъ поросенокъ и сейчасъ же сталъ хохотать на цѣлое горло. Ему сковали руки и ноги, но еврей хохоталъ еще страшнѣе. Его стали бить прикладами, а онъ все хохоталъ...

Прошла еще минута и нѣсколько изъ нашихъ тоже оживились стали рѣзко махать руками и быстро шагать по вагонѣ...

Внезапно послышался оглушительный свистокъ локомотива, поѣздъ остановился и сейчасъ-же сталъ вертаться по другому полотну — обратно на станцію. Ахъ, то было лишь „шибованье.” Мы вздохнули и совершенно обезсиленные, грузно опустились на

полъ. Поѣздъ остановился на станціи. Раньше мы были на товарномъ вокзалѣ, теперь пріѣхали на пассажирскій.

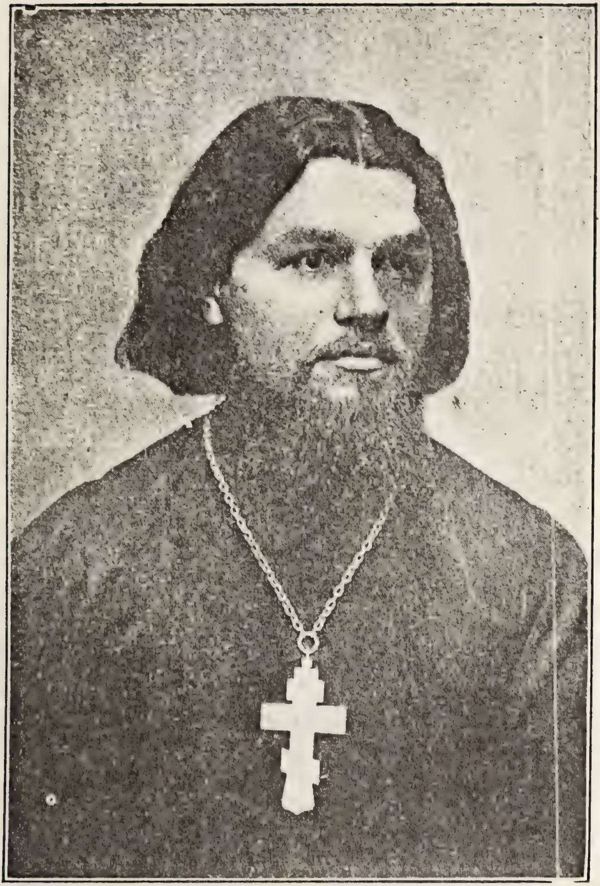
На станціи высадили изъ нашего вагона и передали военному начальству буйнаго еврея, сошедшаго съ ума. Онъ метался и кричалъ такъ, что душу раздирало; онъ кричалъ чтобы его не вѣшали, ибо онъ долженъ родить лошадь...

Къ поѣзду пришли чешскія сестры милосердія и съ участіемъ смотрѣли на насъ. Мы попросили воды. Сейчасъ принесли намъ онѣ воду, молоко и пиво. Жандармы приняли и передали намъ воду. Я сталъ звать Ивася. Онъ лежалъ съежившись въ углу и не хотѣлъ отвѣчать. Лежалъ онъ неподвижно. Казалось — онъ заснулъ. Стали его толкать, но никакъ нельзя было разбудить его. Нельзя было никакъ — потому что онъ былъ уже мертвъ. Ребенокъ умеръ отъ испуга.

Когда чешскіе санитары выносили маленькій трупикъ Ивася, въ вагонѣ царило глубокое, богомольное молчаніе. Казалось даже жандармы были немного тронуты.

Минутъ черезъ десять арестантскій нашъ поѣздъ поползъ на сѣверъ, унося насъ съ собой въ Терезинскую крѣпость.

———000———



о. МАКСИМЪ САНДОВИЧЪ

герой-мученикъ, разстрѣлянный австрійцами 6 сент. 1914 г. въ Горлицахъ, на Лемковщинѣ. Уже разстрѣлянный, падая на землю, еще воскликнулъ:
„Да здравствуетъ Русскій Народъ и святое Православье!"

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ О. МАКСИМА САНДОВИЧА.

Съ крестомъ въ рукахъ за Русь святую
На смерть идетъ отецъ Максимъ,
Жандармы бьютъ его, катуютъ,
И издѣваются надъ нимъ.

Старикъ-отецъ идетъ рыдая,
Изнемогла, упала мать,
Жена поблѣдла молодая:
— Сейчасъ, сейчасъ начнутъ стрѣлять.

Идетъ онъ твердою стопою,
Поднялъ онъ очи къ небесамъ,
И видитъ онъ могилу роютъ:
—Отецъ Максимъ, ты ляжешь тамъ.

Увидѣлъ онъ жену и сына,
Младенца-сына на рукахъ,
Отъ боли защемѣло сердце
И на душу его палъ страхъ.

Несчастной матушкѣ сказали
Жандармы съ шеи снять платокъ,
Максиму очи завязали,
Что-бъ видѣть смерти онъ не могъ.

Но снялъ отецъ Максимъ платочекъ
Съ очей и кинулъ сновь женѣ:
—"Побереги моихъ дѣточекъ,
Пора съ тобой проститься мнѣ."

Жандармы два его схватили,
Связали руки, а потомъ —
Гдѣ сердце — бѣлый крестъ пришили:
— Отецъ Максимъ спасись крестомъ!

Жена упала на колѣни,
И бьетъ о камень головой. . . .
— "Не плачь, жена, не плачь, младая,
Господь останется съ тобой".

"Не плачь, не пла́чь, вдова младая,
Не плачьте вы, отецъ и мать,
Святая Русь и Православье —
За васъ не жаль мнѣ погибать."

"Христосъ послалъ меня на землю,
Къ Христу обратно мнѣ пора;
Святая Русь и Православье —
Во вѣкъ да здравстуютъ! Ура!"

Жандармы залпомъ выстрѣлъ дали,
Пробили крестъ и и сердце съ нимъ,
Кровь брызнула густой струею,
На землю палъ отецъ Максимъ . . .

Померкло солнце на Карпатахъ,
Сверкнула молнія — и громъ,

Душа отца Максима къ небу
Взнеслась и вѣчно будетъ въ немъ.

— "Максимъ мой вѣрный и примѣрный,
Ты сядь одесную меня, —
Рече Господь, — и правовѣрный
Народъ святымъ почтитъ тебя."

Колдейлъ, Богоявленіе, 1917.

о. ІОСИФЪ ПЕТРОВИЧЪ ФЕДОРОНКО

Предсѣдатель Русской Народной Организаціи въ Америкѣ и Предсѣдатель Русскаго Спасательнаго Комитета. Своей благотворительной дѣятельностью помогъ многимъ русскимъ людямъ — жертвамъ войны въ Австріи.

ВСЯЧЕСКАЯ....

Наканунѣ праздника Богоявленія вся Терезинская крѣпость пришла въ небывалое оживленіе. Интернованные радовались какъ дѣти — смѣялись, прыгали, пѣли: завтра будемъ торжественно праздновать Іорданъ и на тюремномъ подворѣ будемъ святить воду! Самъ маіоръ разрѣшилъ....

Маіоръ — это для крѣпости Богъ: наша жизнь и смерть въ его рукахъ. Впрочемъ нашъ маіоръ былъ очень похожъ на человѣка. Онъ стоялъ раньше со своимъ полкомъ въ Галичинѣ, научился по польски, понималъ немного по русски , во время маневровъ и постоевъ часто бывалъ гостемъ у русскихъ священниковъ и потому къ нашему богослуженію онъ относился съ нѣкоторымъ уваженіемъ и давалъ намъ больше свободы, чѣмъ полагалось.

— „Завтра весь день подземельныя казематы будутъ открыты, завтра мы можемъ цѣлый день гулять по нашемъ подворьѣ, весь день видѣть солнце, дышать воздухомъ — мы всѣ, со всѣхъ казематъ смѣстѣ. Господи Боже, неужели это правда?"

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ нашихъ адвокатовъ. Почтенный старикъ, улыбается:

— „Знаете-ли, я нынѣ такъ счастливъ, такъ мнѣ весело на душѣ, словно я опять помолодѣлъ и только что женился."

— „А я какъ будто уже выдержалъ экзаменъ и получилъ адвокатскій дипломъ,"— отвѣтилъ я полушутя, полусерьезно.

Мы всѣ готовились къ завтрашнему крупному событію, которому равнаго еще не было въ нашей долгой крѣпостной жизни. Студенты импровизовали хоръ и десятый разъ повторяютъ іорданскіе напѣвы, крестьяне усердно метутъ подворье, посыпаютъ проходы желтымъ пѣскомъ, ставятъ олтарь и зеленой сосниной украшаютъ нашу матушку-тюрьму. Для маіора построено на возвышеніи что-то въ родѣ трона съ бальдахиномъ. Такъ велѣли профосы (тюремные начальники).

Мы хотѣли послать за ризами для священниковъ въ чешскій костелъ въ городѣ Терезинѣ, Чехи бы намъ не отказали, но маіоръ не разрѣшилъ. Только недавно въ Карпатахъ сдались Русскимъ чешскіе полки, во всей Чехіи началось революціонное броженіе, многихъ Чеховъ казнили и потому въ крѣпости о Чехахъ нельзя было даже упоминать.

Но наши дамы ухитрились откуда-то получить золотой парчи, шьютъ теперь фе-

лонъ и то и дѣло прибѣгаютъ примѣривать и за совѣтами къ священникамъ. Рады-радехоньки!

Но священники волновались больше всѣхъ. Ихъ было въ крѣпости человѣкъ пятьдесятъ, но только одному изъ нихъ разрѣшено служить завтра. Маіоръ въ этотъ день оказался очень великодушнымъ. Сказалъ:

— „Разрѣшаю тому изъ васъ, кого сами себѣ выберете."

Выбрать самимъ... Ахъ, то было такъ трудно! Священники созвали совѣщанія, начали агитацію, разгорѣлися страсти!... Мы всѣ, и міряне и даже женщины принимали живое участіе въ томъ церковномъ соборѣ.

Но за то выборъ удался, какъ нельзя лучше. Извѣстный нашъ народный дѣятель, заслуженый протоіерей, старецъ съ бѣлыми локонами, вьющимися вокругъ шеи, съ сѣдой бородой — настоящій патріархъ — онъ будетъ служить завтра! Еще когда мы спорили и шумѣли, онъ долго молчалъ, все слушалъ... Послѣ всталъ, поднялъ руку, хотѣлъ что то говорить, да не могъ: слова ему застряли въ горлѣ и въ глазахъ заблестѣли слезы. Это на всѣхъ произвело сильное впечатлѣніе: мы его поняли безъ словъ и избрали его единодушно.

Ахъ какъ онъ благодарилъ!

—,,Друзья, братья! Дасть Богъ вы выйдете на волю, а мои дни уже посчитаны: уже скоро вынесутъ палачи мои кости изъ этихъ казематъ и зароютъ, какъ собаку, за тюремнимъ валомъ. Вознагради васъ Богъ за то, что позволили мнѣ старику служить еще разъ Господу, служить послѣдній разъ по чину Мелхиседекову...”

Молодежь подхватила его на руки, не дали дальше говорить. Онъ насъ растрогалъ до слезъ. Въ тюрьмѣ люди скоро поддаются чувству. Не то, что на волѣ . За рѣшоткой мы всѣ — крестьяне, священники, помѣщики, судьи, професора, врачи и адвокаты — мы стали ближними, мы почувствовали сердцемъ, что мы родные братья и дѣти одной общей отчизны, нашей несчастной отчизны.

Отчизна дорогая! Милая Галичина моя! Лишь тотъ пойметъ и проникнетъ душой въ смыслъ того священнаго слова, кто жилъ и видѣлъ тебя во дни величайшей скорби народной, въ страшные дни твоего распятія. Когда смерть коситъ и покосами стелитъ на полѣ брани цвѣтъ юношества — твоихъ сыновей, когда хрупкія, нѣжныя твои дочери - красавицы, милыя Галичанки — застѣнчивыя, робкія — раздавлены, изувѣчены и грубо поруганы оско-

тенѣвшимъ гуномъ и звѣрскимъ германцемъ и, на позоръ себѣ, на потѣху врагамъ, разброшены, растащены по всѣхъ казармамъ и лагерямъ, когда дряхлыя старушки, наши матери выплакали очи, захрыпли отъ рыданій, рвутъ изъ головы локоны посидѣвшихъ волосъ, бьютъ о стѣну головой и движимыя послѣдней надеждой, съ воплемъ, цѣпляясь за стремена, цѣлуютъ сапогъ офицера-гонведа, чтобы спасти хоть маленькихъ птенцевъ, грудныхъ дѣтей —но напрасно, все напрасно! Ничто не смягчитъ ихъ : не будетъ пощады преданному Руси галицкому селу и дѣти-немовлята, подкинутыя вверхъ штыками, какъ мячики подброшенные для забавы — летятъ въ пожаръ, а уже оперенные дѣти -подростки послужатъ мишенью для прицѣла.

Когда отъ далекаго Санча по Черновцы и Броды поля изрѣзаны траншеями, черная земля вспахана, изрыта снарядами, промокла кровью, засѣяна черепами мущинъ, а холера цѣлыми селами выметаетъ изморенныхъ голодомъ женщинъ и дѣтей, когда двѣсти тысячъ избранныхъ твоихъ лучшихъ сыновей стонутъ, томлятся по тюрьмахъ Венгріи, Чехіи и Альпейскихъ горъ а двадцать тысячъ— лучшіе изъ лучшихъ — нашли короткую расправу: пожары деревенскихъ хатъ и пылающихъ городовъ грозно освѣщаютъ двадцать

тысячъ высѣлицъ на радость воронамъ вмѣсто дороговсказовъ воздвигнутыхъ по всей Галицкой земли—тогда мы Галичане почувствовали дыханіе Францъ - Іосифа Антихриста.

То Австрія такой намъ по себѣ оставлятъ нагробный памятникъ, чтобы мы ее помнили и воспоминали во вѣки. И мы и дѣти и наши внуки и правнуки. Доколи будетъ стоять Галицкая Земля Русская.

*

* *

— „Ей, хлопцы! Не посрамимъ Земли Русской! „Всяческая" грянемъ такъ, чтобы крѣпость задрожала.

Такъ подбадривалъ дирижеръ свой хоръ.

— „Что-жъ, это идея! Вѣдь взорвали же жиды своимъ крикомъ Іерихонъ. Чѣмъ же мы хуже іерихонской трубы?" Подшучивали скептики. Но вотъ пришелъ Іорданъ.

Посыпалъ снѣжокъ. Богослуженіе уже приближалось къ концу. Тысяча арестантовъ — мущины, женщины и дѣти — окружившіе плотно олтарь и бочку съ водой для освященія, съ самаго утра толпились и тѣснились какъ могли на маленькомъ тюремномъ подворьѣ, обведенномъ кругомъ высокими каменными стѣнами и землянымъ валомъ, по которомъ грозно шагали часовые...

Тамъ дальше — каналы: крѣпость опущена водою.

Народъ скомлѣлъ, глоталъ слезы, вздерживалъ плачъ, чтобы не разсердитъ маіора.

Маіоръ окруженный своимъ штабомъ. тюремными профосами и ключниками, надменно смотрѣлъ внизъ съ высоты своего престола, принимая на свой счетъ, какъ должное, наши моленія, возносящіяся къ небесамъ. Сегодня онъ былъ очень доволенъ: выпогоженное лице обѣщало намъ много милостей.

Хоръ пѣлъ великолѣпно. Когда запѣли: „Явился еси днесь вселенной," казалось сама тюрьма внимала, всѣ форты подхватили мощнымъ эхомъ и далеко-далеко за крѣпость понеслись торжественные, радостные звуки.

Мы забыли, что мы въ крѣпости, забыли обо всемъ мірѣ. Бабы вытирали рукавомъ слезы, тюремная команда снисходительно улыбалась, самъ маіоръ одобрительно качалъ головой. Видно ужъ очень ему понравилось пѣніе.

Вдругъ хоръ загремѣлъ:

— Всяческая днесь радости исполнишася, Христосъ крестися въ Іорданѣ. Вся-а-а-а-че-ска-я....

Нашъ маіоръ вздрогнулъ и съ недоумѣніемъ вытаращилъ глаза...

Хоръ пѣлъ дальше: ...днесь радости исполни-и-и-и-ишася....

Маіоръ вскочилъ, какъ ужаленный, лицо его вдугъ перемѣнилось, побагровѣло, жилки набѣжали кровью и запрыгали. Онъ гаркнулъ что то профосамъ; одинъ изъ профосовъ вытянулся въ струнку, — руку подъ козырекъ — повернулся по военному и шагомъ маршъ — къ олтарю, къ священнику.

— ,,Геръ маіоръ велѣлъ это прекратить и сей же часъ зоветъ батюшку къ роппорту.“

Народъ остолбенѣлъ. Въ чемъ дѣло?

Священникъ слышалъ, но держалъ себя съ большимъ достоинствомъ: не обращая на зовъ вниманія, онъ продолжалъ водосвятіе.

Прибѣжали другіе профосы, но и они не смѣли тащить старика-священника силой отъ олтаря, лишь обступили его и ждали.

Вскорѣ водосвятіе было кончено и священникъ въ фелонѣ съ крестомъ въ рукахъ, со спокойнымъ, торжественнымъ лицомъ, самъ направился къ маіору. Маіоръ впился въ него глазами, казалось, хотѣлъ его взоромъ прошибить насквозь. Онъ искалъ съ чего начать.

— ,,Арестантъ, при рапортѣ держать руки по швамъ! Стоять ,,габтахтъ!”

Священникъ медленно опустилъ руку съ крестомъ, крестъ вымкнулся и упалъ на зем-

лю, старикъ нагнулся, хотѣлъ его поднять...

— „Стоять!“ крикнулъ маіоръ, — „Я вамъ позволилъ молиться за цѣсаря, а вы.... вы — „вся чешская”? Чеховъ, — измѣнниковъ — восхваляете...”

Священникъ усмѣхнулся:

— „Позвольте, господинъ маіоръ, но то недорозумѣніе...”

— „Молчать!“ Маіоръ вышелъ совершенно изъ себя и затупалъ ногами. — „Молчать! Я не позволилъ говорить. Никакихъ нѣтъ недоразумѣній! Я самъ слышалъ какъ пѣли: „Вся чешская радости,“ и никакихъ оправданій не принимаю. Дамъ я вамъ: „вся чешская“!

Маіоръ властно обернулся къ профосамъ:

— „Священнику дисциплинарнымъ порядкомъ — двадцать одинъ день темницы, — въ одиночку.—Всѣмъ пѣвчимъ надѣть шпанги (кандалы) на руки и ноги. Каждому пять сутокъ. Абтретенъ (Пошли вонъ)!

Рапортъ кончился. Маіоръ гнѣвно повернулся и ушелъ. Къ іерею приступили профосы и тюремные ключники и стали срывать съ него фелонъ. Насъ погнали въ казематы.

На дворѣ потемнѣло, усилился вѣтеръ и стала подниматься вьюга...

———000———

Д-ръ ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ МАРКОВЪ

Русскій депутатъ отъ Галичины, первый произнесъ въ австрійскомъ парламентѣ рѣчь на русскомъ литературномъ языкѣ. За свои русскія убѣжденія приговоренъ австрійцами къ висѣлицѣ.

ПѢСНЬ О МАРКОВѢ.

Въ народѣ говорятъ, что Маркова хотѣли выпустить изъ тюрьмы, если онъ „перейдетъ на австрійское." Марковъ не хотѣлъ. Тогда его приговорили къ смерти, но обѣщали помиловать, если онъ: „выречется" Руси. Марковъ предпочелъ смерть за Родину. Какъ извѣстно, по просьбѣ испанскаго короля, Маркову и его товарищамъ смертная казнь замѣнена пожизненной тюрьмой. Марковъ мучится теперь въ Терезинской крѣпости (Терезіенштадтъ), на Чехіи.

Есть крѣпость въ Терезинѣ,
Кругомъ каналъ съ водой,
Въ темницѣ подъ землею —
Тамъ Марковъ молодой.

Сидитъ тамъ посолъ Марковъ,
Родной онъ вспомнилъ край;
„Отчизна дорогая —
Пращай, пращай, пращай!"

Давно не видитъ солнца,
Въ тюрьмѣ все ночь и ночь....
„Коль выречешься Руси,
Тебя мы пустимъ прочь!"

Закованъ онъ въ желѣза,
Течетъ кровь съ ногъ и рукъ....
„За нашу Русь святую,
Я не боюся мукъ!“
Въ ночи его судили,
Пришелъ съ веревкой катъ....
„На Русь — плюнь, докторъ Марковъ,
А будешь намъ — какъ братъ.“
„Изрѣжьте вы мнѣ тѣло,
До капли пейте кровь,
За нашу Русь святую —
На смерть я все готовъ!”
Регочутся мазепы,
И нѣмцы и жиды:
„Какъ Маркова повѣсимъ —
Не будетъ намъ бѣды.”
Ужъ Марковъ крестъ цѣлуетъ,
Ужь сметри бьетъ пора...
„Отчизна дорогая —
Да здравствуетъ! Ура!”
Онъ смерти не боится?!
Такъ сновъ его туда!
Опять въ тюрьму-темницу,
Пусть чахнетъ тамъ всегда!”
Пращай намъ посолъ Марковъ,
Пращай, пращай герой!
Какъ долго Русь на свѣтѣ —
Чтить будемъ подвигъ твой.

НА ОЛТАРЬ ОТЧИЗНЫ.

Она знала, что ее ждетъ. Она знала, что будетъ война. Ибо изъ Львова пріѣхалъ къ ней ея лучшій другъ и молилъ ее:

— Стефочка дорогая! Ходи, сейчасъ уѣзжай со мной въ Россію. Австрія рѣшила начать войну, — черезъ недѣлю будетъ мобилизація. Я узналъ объ этомъ — не спрашивай какъ? — Но клянусь тебѣ, что черезъ недѣлю — война. Мы, русскіе Галичане, всѣ мы будемъ арестованы, быть можетъ погибнемъ всѣ. Бѣги со мной. Спасайся!

Стефа не перебивала. Она устремила на меня свои чудные глаза, хотѣла вникнуть въ каждый уголокъ моей смятенной души, и задумалась...

—А отецъ и мать, а сестра?

— Они могутъ поѣхать съ нами.

— Нѣтъ! мой отецъ священникъ! Онъ посвятилъ все для народа: и карьеру и богатство, и здоровье и насъ, свою семью. Онъ не оставитъ своего народа въ черную годину. И я тоже.

— Стефа подумай: Придетъ война, тебя убьютъ, отца убьютъ, какая отъ того польза народу? Никому не поможешь, а сама погибнешь. Побереги себя хоть для меня, для насъ обоихъ. Стефочка, скажи, куда хочешь? На что ты рѣшилась!

— На олтарь Отчизны!

Стефа была упрямой и я вернулся во Львовъ ни съ чѣмъ. Но мнѣ не хотѣлось, и было стыдно, спасаться безъ ней. Лучше вмѣстѣ погибнуть.

И я ужъ апатично ждалъ моей участи.

Ждалъ, какъ всѣ. Скоро настала война. меня арестовали и вывезли въ глубь Австріи, посадили въ крѣпость... Жизнь пошла проклятая. Но что мнѣ тюрьма! Не то меня терзало.

Я хотѣлъ знать, что со Стефой, но по Стефѣ и слѣдъ пропалъ. Русскія войска быстро подвинулись впередъ, заняли Львовъ и ту деревню, гдѣ жила Стефа. Осталась ли Стефа дома, или нѣтъ? У меня все таки была надежда, что Стефанія спасена. Намъ арестантамъ иногда разрѣшали писать, но какая польза? За послѣдніе крейцеры покупали мы почтовыя марки для заграницы, посылали письмо заказнымъ, австрійская почта все принимала--но на слѣдующій день письма съ погашенными марками приходили обратно... Лишь немногія письма попали за границу.

На самое Рождество привели въ нашу крѣпость еще одного, новаго арестанта. Вели его въ цѣпяхъ, а сторожилъ его конвой изъ восьми солдатъ. Должно быть страшный преступникъ: такъ не ведутъ кого нибудь. Кто

онъ? — Никто не зналъ. Помѣстили его отдѣльно отъ насъ, поставили особаго часового и никогда больше не видѣли мы того преступника на подворьѣ.

Но какъ то черезъ недѣлю дали намъ въ обѣдъ гнилое баранье мясо, я былъ страшно голоденъ и съѣлъ. Съѣлъ, да не выдержалъ: начались страшныя судороги, послѣ рвота. Префосъ увидѣлъ и думалъ, что то начало холеры, передъ которой онъ трепеталъ. Немедленно велѣлъ онъ взять меня въ тюремную больницу, и помѣстить въ холерное отдѣленіе.

Тамъ увидѣлъ я и того страшного преступника. Его лицо показалось мнѣ знакомымъ. Онъ тоже пристально смотрѣлъ на меня, припоминалъ что то, и вдругъ его лице засіяло отъ радости. Онъ не выдержалъ:

— Панычу! И вы здѣсь? Охъ Господи милосердный, гдѣ намъ далъ забачитися... Не тямите мене? Та же я войтъ изъ Анастазова. Я васъ видѣлъ у насъ у „егомостья" (священника). Люди казали, що вы...

Словно ножемъ кольнуло меня въ сердце.

— Вы изъ Анастазова? Такъ скажите, прошу васъ, что слышно съ паннунцей (барышней) Стефою? Гдѣ она теперь?

Крестьянинъ-войтъ посмотрѣлъ на меня съ участіемъ и сталъ рукавомъ утирать слезы.

— Та же я за нихъ ту (здѣсь). Вѣчная имъ память!

Все закружилось мнѣ въ глазахъ и зашумѣло въ головѣ. Словно кто нибудь ударилъ меня по головѣ обухомъ. Но я напрягъ всѣ мои силы и старался завладѣть собою:

—Хорошо. Говорите, говорите все подробно, я все хочу знать...

— Та що ту говорити. Нема ихъ, нема! Охъ Господи!...

— Да скажите же какъ было? Я хочу знать по крайней мѣрѣ...

— Якъ было? Та вотъ якъ было:

*

* *

— Якъ русскіи войска на голову розбили мадьяръ коло Золочева, то мадьяры такъ втѣкали, що не опинилися ажъ въ нашомъ селѣ.

Была то якъ разъ недѣля, народъ бывъ въ церкви. Що ино скончилася утреня и зачали дзвонити на Службу Божу.

А тутъ ѣдутъ гальопомъ до села гусары-мадьяры. Ажъ страшно дивитися: обкровавлени, оборвани, многіи безъ шапокъ, безъ торнистровъ, навѣтъ безъ оружья. Кони помучени, запѣнены...

Пріѣзжаютъ до села и просто ѣдутъ до церкви. Одни тримаютъ кони, а офицеръ и половина гусаровъ позлѣзали и въ шапкахъ просто до церкви.

Офицеръ махае шаблею, такій лютый, ажъ посинѣвъ весь и кричитъ на цѣлу церковь:

— „Собраніе? Бунтъ? Звоните въ дзвоны? Сигналы Москалямъ даете? Собаки! Шпіоны!"

Нашъ отецъ Іосифъ выходитъ изъ за олтаря и каже: „Пане ротмистръ....," хотѣвъ ему все представити на розумъ. А онъ якъ ударитъ отца Іосифа шаблею по головѣ, такъ голова отъ разу пошла на двое... А тогда гонятъ насъ всѣхъ изъ церкви на цвинтарь, що довкола церкви и кажутъ стати въ два ряды... Дѣти на передѣ а мы три кроки сзаду. Каждая дитина напротивъ своего отца-матери. Послали въ село за лопатами и рыскалями, принесли, даютъ намъ каждому въ руки, и кажутъ копати глубокіи ямы. Каждый передъ собою. Мы думали, что то на закопи на шанцы... а то...

Войтъ зарыдалъ и повернулся въ стѣнѣ. Я не мѣшалъ ему плакать. Но вскорѣ онъ перемогъ свой жаль, обернулся и продолжалъ со слезами:

— ....а они стали брати нашихъ дѣтей — каждого пятого, чи хлопчикъ чи дѣвчина — и гусары одного по другомъ вѣшали на липахъ довкола церкви... И моего Олексу... восемъ лѣтъ ему было... а потомъ, якъ застыгнулъ, кажутъ: „здойми сы и похо-

вай сы Яму вже маешь готову!" Кобѣты млѣлы, Боже милосердный, Матѣнко небесная! Помилуй насъ грѣшныхъ.

Духъ мнѣ заперло въ груди:

— „А что же со Стефочкой. Тоже повѣсили?

Войтъ посмотрѣлъ на меня съ упрекомъ.

— „Чекайте панычу! Вамъ свое, а намъ свое... Чекайте и слухайте мене старого. Якъ знаете, поповщина далеко отъ церкви; тамъ еще ни о чемъ не знали. Але видно зачула еймость (матушка) крикъ и сама прибѣгаетъ. Заразъ еи вхопили мадьяры... Вхопили и такъ еи роздѣли, що ажъ стыдно сказати... Завели еи зовсѣмъ голѣсеньку до церкви, зняли зъ завѣсовъ царскіи врата положили на земли и привязали еи, за руки и за ноги до царскихъ вратъ... Боже милосердный, чому не зослешь смерти!—Напередъ пойшовъ до церкви офицеръ, замкнувся — еймость стала страшнымъ голосомъ кричати, ажъ душу роздирало... порвалъ офицеръ фелонъ на кусочки и тѣмъ заткавъ ей уста... и такъ еи небѣженьку замучили...

Всѣ гусары ходили до церкви...

Якъ замучили — гусары зогнали всѣхъ дѣвокъ зъ села, всѣ наши жѣнки — всѣхъ загнали до церкви, заперлися зъ ними и поставили остру варту щобы стрѣляла, якъ бы

ктось зъ насъ приближався. И моя жѣнка и донька... Ахъ панычу, панычу! Най имъ Богъ заплатить, тимъ звѣрамъ... А офицеръ ходить якъ той катъ коло церкви.... Гдесь гусары здыбали въ селѣ и приводятъ ему жидовку, доньку нашого арендаря.... Ладне дѣвче, хоть жидовчатко — нема що казати. А за нею бѣжить старый жидъ, еи тато, — впавъ офицерови до ногъ и просится, каже: „На поповщинѣ есть ладнѣйша паннунця!“

Офицеръ до него ласкаво засмѣявся, давъ жидовчину простымъ жовнѣрамъ, а самъ кричитъ:

— Кто тутъ войтъ?

— Я, — кажу,—войтъ, ласкавый пане.

Говорити не можу, колѣна менѣ трясутся, и хлопецъ еще не закопанный, а онъ кричитъ:

— Веди мене заразъ на поповщину!

Жаль менѣ стало, ажъ за сердце мене стиснуло, але що-жъ было робити зъ бѣдою? Боюся, щобы еще больше не росзлостився. Веду...

Приходитъ онъ туда, а паннунця Стефа вже черезъ окно его увидѣла и втѣкла, сховалася до пивницѣ. Замкнулася. А еще ничь не знае, що сталося коло церкви.

Офицеръ кричитъ, щобы она выйшла — она не хоче! Онъ грозитъ шаблею — а пан-

нунця ничъ. Ажъ страшно менѣ стало, що она така отважна. Закликавъ офицеръ жовнѣровъ, хотѣли выломати двери, але паннунця подперла ихъ бочками и не могли.

— Спалю домъ, — кричитъ онъ, — згинешь!

— Палѣтъ, каже паннунця, смерти не боюся!

Видитъ офицеръ що нема зъ невъ рады. Ажъ ту надбѣгае та друга, маленька, паннуньця Ленця — Стефочкина сестра. Девять лѣтъ ей было тогды, — дитина!

Офицеръ схвативъ еи за руку, рве на ней убранье и кричитъ до паннунцѣ Стефы:

— Якъ ты сейчасъ не выйдешь, то она за тебе отпокутуе. Я за нашъ край, каже, даю на войнѣ житье — и ты мусишь щось пожертвовати. Каже: „будь патріоткою."

А паннунця его ани слухати не хочутъ. Тогды офицеръ каже жовнѣрамъ:

— Берѣтъ собѣ ту малу панночку и робѣтъ зъ нею, що хочете. Все вамъ позваляю.

Якъ кинутся гусары, якъ тіи збуи, до дитины, а оно якъ зачне верещати... Боже! Я гадавъ, що конецъ свѣта наступае.

Паннунцѣ Стефѣ зробилося жаль маленькои сестрички, и кричитъ съ пивницѣ:

— Чекайте! Вамъ треба мене? Добре, я выйду. Замучьте мене! Але дайте напе-

редъ слово, що той моей сестричцѣ, той дитинѣ — ничого злого не зробите.

Офицерови засвѣтилися очи, якъ псови:

— Добре, каже даю офицерске слово! Выходи.

Выйшла панунця Стефа, дивлюся, а она блѣда, якъ полотно, иде и завертаеся, зъ ногъ падае. . .

А гусары тѣмъ часомъ накинулися на ту бѣдну дитину Ленцю — оно кричитъ, оно млѣвае — а офицеръ смѣеся:

— То ничъ, каже, що больше — то для мене, а що меньше, то для нихъ. Най и мои гусары забавлятся.

Якъ то вчула паннунця Стефа, якъ прискочитъ до офицера — вырвала ему съ боку револьверъ и просто въ груди:

— Бовхъ! — выстрѣлила. Офицеръ схватився за серце и впавъ трупомъ на мѣстци. А паннунця кричитъ до мене. . . .

— Дивѣтся: я могла утѣкнути передъ войною, оставити васъ самыхъ, а я не хотѣла. Я отдаю мое житье на Олтарь Отчизны!

А ту вже зо всѣхъ сторонъ бѣжатъ мадьяры. Прибѣгаютъ, прискакуютъ и якъ зачнутъ рубати шаблями обѣ паннунцѣ и Стефочку и Ленцю. . . Гетъ посѣкли на макове зерно.

А потомъ до мене. Я прошуся, благаю ихъ. . . та где тамъ. Вже менѣ закинули по-

сторонокъ на шею, ведутъ вѣшати. Потемнѣло менѣ въ очахъ...

Ажъ ту влѣтае до села друге войско, — уланы, женутъ на коняхъ що маютъ силы и кричатъ:

— Втѣкайте! Москаль иде!

Якъ то вчули мадьяры, зрабовали въ селѣ, и на поповщинѣ, що могли, запалили село на чотыре стороны, звязали менѣ руки, посадили на коня, въ долѣ звязали менѣ шнуромъ ноги и погнали зо мною галопомъ черезъ поля, черезъ болота, черезъ лѣсы....

— „Показуй намъ, кажутъ, — дорогу, якъ ни, то смерть тобѣ.“

А ту вже: „бумъ... бумъ,“ чути за нами каноны...

Мучили мене, мучили, — где я вже не бывавъ? — А теперь привезли сюда. Най имъ Богъ заплатитъ за нашу крывду.

И войтъ залился слезами.

*

* *

Счастливый онъ! А я — я не могъ плакать. И съ тѣхъ поръ нѣтъ у меня покоя. Надо мной витаетъ образъ Стефочки и въ души мнѣ врѣзались огненными буквами ея слова:

— „Не нужно ничего жалѣть! Все надо отдать — на Олтарь Отчизны!“

Дорогая, милая Стефочка, вѣчная, вѣчная память Тебѣ.

GEORGE SABO
Slavic Books
RT. 1, BOX 903
LAKELAND, FLA.